

Табак в России в конце XIX века.

2009-05-22 14:34:40

«В наше время (в 1892 году.) курят очень многие, даже женщины», - писал мемуарист. Другой, подтверждая это, считал, что курение женщин красит: «Среди дам находится немало любительниц этой приятной отравы. Потому, если мы захотим быть справедливыми, то сошлемся, что маленькая, тонкая папироска отнюдь не безобразит хороших дамских губок, а придает им скорее своеобразную пикантность». И полувек не прошло со времени появления папирос, а отношение к курящей женщине кардинально изменилось (хотя единодушия в этом вопросе никогда не бывало и до сих пор нет).

На волне женского движения 1860-х годов интенсивно начали курить студентки и домработницы. Так некая белошвейка по имени Сая, по воспоминаниям ее современника, «курила дешевые [папиросы](#) “Трезвон” (наши говорили: «Папиросы “Трезвон”, три копейки вагон»). Табак был до того вонючий, что ее выгоняли из комнаты на Кухню, а там Марфуша ее отчитывала, говоря, что курить Грех и за это Бог ее накажет».

Английский полковник Веллеслей, побывавший на берегах Невы в 1870-е годы, заметил: «Петербург отличается от других европейских городов... болезненным видом большинства петербургских дам, благодаря... привычке курить».

Поэт В. И. Богданов свое стихотворение «Объяснение в любви», написанное в 1864 году, начинал следующими строками:

Закуривши [папиросы](#),

С нею молча шли мы раз...

Поменяйте [«папиросы»](#) на «сигареты», и выйдет вполне современная картина.

После обеда петербургские мужчины, жившие во второй половине XIX века, обыкновенно удалялись курить в кабинет хозяина. Нередко к ним присоединялись и женщины - чтобы выкурить по египетской папиросе. Например, «Nestor Gianadis» или «LeCair». «Египетскими» часто называли [папиросы](#), которые были тоньше других.

Безвестный автор книги «Джентльмен», увидевшей свет в 1913 году, насчет женщин заметил следующее: «...среди дам находится немало любителей этой приятной отравы. Поэтому, если мы хотим быть справедливыми, то сознаемся, что маленькая, тонкая папироска отнюдь не безобразит хороших дамских губок, а придает им своеобразную пикантность». Не безобразит с точки зрения джентльмена, осмелимся добавить мы.

От женщин не отставали и мужчины. Комната одного из родственников литератора Н. А. Лейкина была пропитана табаком настолько, что в ней «даже мухи не могли жить». Да что там комната! Курили и в чистом поле! П. И. Чайковский записал как-то в дневнике: «Прогулка. Дождь. Молодой человек, у которого я закуривал в поле папиросу».

Ф. М. Достоевский, когда писал, попивал чай из почти холодного самовара и курил одну папиросу за другой, стряхивая пепел в бронзовую пепельницу. В его кабинете, когда он жил в доме на углу Греческого проспекта и Пятой Рождественской улицы (в 1875-1878 годах), на большом столе стоял «ящик с табаком да коробка с гильзами и ватой». И больше ничего. Другой мемуарист уточняет: «жестяная коробка с табаком и гильзами».

Любопытный пассаж находим в воспоминаниях В. В. Тимофеевой, корректора в типографии, где печатался журнал «Гражданин», выходивший в 1873-1874 годах под редакцией Достоевского. Как-то раз, отпуская Варвару Васильевну домой, Федор Михайлович сказал ей, вынимая из кармана кошелек: «Сделайте мне божескую милость, возьмите вот этот рубль и купите мне где-нибудь по дороге коробочку папирос-пушек, если можно, Саатчи и Мангуби или Лаферм, и спичек тоже коробочку, и пришлите все это с мальчиком».

Папиросы табачных фабрик «Саатчи и Мангуби» и «Лаферм» пользовались в то время особой популярностью. Далее Тимофеева замечает: «Он курил, - он всегда очень много курил, - и мне видится до сих пор его бледная и худая рука... видится, как рука эта тушит докуренную толстую папиросу, - и

Табак и сигареты

Табак в России в конце XIX века.

жестяная коробка из-под сардинок, Поверху наполненная окурками его “пушек”». (Банка из-под сардин использовалась вместо пепельницы, разумеется, в типографии, а не дома.) Один из гостей Достоевского также отметил: «Он сидел перед маленьким письменным столом... набивая свои толстые [папиросы](#), курил их одна за другою...» При этом «набивал себе [папиросы](#)-пушки из Желтой маисовой бумаги».

Н. Г. Чернышевский курил, когда нервничал, при том «то с живостью затягивался, то ломал папироску, стряхивая пепел, то забывал о ней, и она гасла».

Однажды к Николаю Гавриловичу зашел в гости Л. Ф. Пантелеев. Чернышевский поставил перед ним ищик с [сигарами](#). «Заметив, что я собираюсь закурить папиросу, Н. Г. огорченным тоном сказал:

- Что же вы не берете сигару... [сигары](#), право, отличные.
- Да я перед тем, как идти к вам, уже выкурил сигару, много я их не курю.
- Не надо было дома курить, - обиженно проговорил Чернышевский».

Достоевский, Чернышевский, Пантелеев - не исключение. Не курили в ту пору в Петербурге разве священнослужители и старообрядцы - в присутствии последних вообще не принято было дымить. Некоторые староверы, по свидетельству Л. Ф. Пантелеева, придерживались «кой-чего из запретов древнего благочестия; у иных это бессознательно сказывалось в некотором смущении относительно табака».

Да, наверное, не только у староверов.

В обществе же в целом отношение к табаку было весьма снисходительное, к тому же, многие считали его невинной - и безвредной - забавой. Один автор писал в 1890 году: «Приписывать табаку какое бы то ни было, вредное или полезное, влияние на болезненность и смертность, по крайней мере в европейских государствах, нет никаких оснований». Другой приводил в пользу безобидности этого увлечения такой аргумент: «Курение не доводит человека до мерзкого состояния, как вино». А профессор А. А.

Соколовский в опубликованной в 1875 году книге утверждал, что «утром, натошак, [сигара](#) с кофе и стаканом воды часто способствует послаблению у людей, страдающих запорами». Надо полагать, табачные фабриканты не преминули поблагодарить профессора за хороший рецепт, а вот вспомнили ли его добрым словом страдающие запорами, о том история умалчивает. А что, интересно, сказал бы профессору его современник, автор следующего пассажа: «Хорошая [сигара](#) за чашкою кофе после тонкого, изысканного обеда принадлежит к одним из очень тонких и приятных ощущений».

Приведу тут же цитату из сочинения одного безвестного автора того времени, решительно выступавшего против табака: «Чрезмерное курение производит обмороки, притупляет чувства зрения и слуха, производит судороги, падучую болезнь и столбняк и доводит до того, что курящие едва держатся на ногах». Вот готовый текст для того, Чтобы помещать его на пачках папирос! (Хотя, замечу в кобках ради восстановления справедливости, от некоторых из перечисленных недугов на заре табакокурения лечили именно табаком.) Между тем, наш автор не ограничился угрозой падучей, а еще и прибавил, что курильщика отличают «глупое выражение в лице, наклонное держание тела, нетвердая походка и отупение всех духовных отправлений. У одного из них явления дошли до совершенной потери сна и мании преследований». Но и это еще не все: «Ослабляющее действие на половое влечение табака известно было в древнее время, когда в итальянских монастырях прямо употребляли табак как поражающее средство». Выходит, табак все-таки страшнее вина.

Мало того, герой романа И. А. Гончарова «Обрыв» считал, - а вместе с ним, надо полагать, так же считали и реальные современники, - что «никотин очень вредно действует на легкие и на желудок: осадок делает и насильственно ускоряет пищеварение. Притом... неприятно дамам».

Шарлатанство на ниве антитабачных настроений цвело буйным цветом. Некто выпустил в Одессе в 1898 году книжонку размером с пачку сигарет и объемом в 15 страниц, на которых извещал читателей о том, что им выпущено средство в виде обыкновенной карамели. При держании во рту ощущается как бы запах табачного дыма И в кус табака, а потом [табачный дым](#) делается противным». Изобретатель дал карамелькам незамысловатое и отнюдь не привлекательное название: «Не кури», забыв даже поставить восклицательный знак. Надо полагать, его фантазия с изобретением карамелек дала сбой, либо он в последнюю минуту засомневался в действительности или надобности своего совета.

Разумеется, производители табака подобных книг, издававшихся мизерными тиражами, не читали. Они стремились улучшить свою продукцию, дабы увеличить на нее спрос. Для повышения качества

Табак и сигареты

Табак в России в конце XIX века.

курительного табака к его низким сортам, преимущественно местного происхождения, примешивались высокие сорта привозного табака (турецкого, американского). Был широко распространен крепкий табак, например, «Жуков табак» - фабрики известного предпринимателя В. Г. Жукова, о котором дальше я расскажу подробнее. Дым от этого табака, прокисая, превращался в смрад. Курившим это нравилось, тем, кто вынужден был находиться рядом, - не очень. «Жукова», как и многие в России, курил Ф. М. Достоевский во время ссылки, в Семипалатинске, в 1854 году. Встречавшийся с ним там, А. Е. Врангель отмечал: «Но часто и это ему было не по карману, и он тогда примешивал простую махорку, от которой после каждого визита моего к нему у меня адски болела голова». Бывая у Врангеля, Достоевский курил «Бостанджогло» (тогдашняя московская табачная фирма, имевшая магазин в Петербурге; о ней дальше).

В конце XIX века было много сортов папирос: «Царские», «Сенаторские» (их упоминает И. Г. Эренбург в первом рассказе своего знаменитого цикла «Тринадцать трубок» - «высший сорт “А”-10 штук, 6 копеек»), «Баронские», «Княжеские», «Заря», «Бабочка», «Альфа», «Гадалка», «Бальные», «Народные», «Константинопольские», «Роза», «Небывалые», «Успех», «Золотая марка», «Гербовые» и др. Названия печатались вместе с фамилией фабриканта на коробочках и сопровождались рисунками - на «Гербовых» - герб России, на «Гадалке» - гадающая цыганка, на «Бабочке» - полуобнаженная девушка с бабочкой, на «Розе» - розан, на «Народных» - пляшущий мужичок.

В коробки вкладывались листочки с предсказаниями, со стихами, фальшивыми почтовыми марками иностранных государств (например, в «Золотую марку») и пр.; в коробки «Счастливых» папирос вкладывали билеты, на которые можно было взять на фабрике сотню папирос бесплатно - если, конечно, повезет. А счастливые билеты любителям табака были позарез нужны, ибо верно сказано, что курящий вредит не только своему здоровью, но и собственному финансовому благополучию.

Нередко выпуск папирос приурочивали к каким-либо событиям. Так в 1891 году во время захода в Петербург французской эскадры были выпущены [папиросы](#) «Франко-русские» и «Маренго» (название одного из кораблей этой эскадры). При открытии Закаспийской военной железной дороги в 1888 году вышли [папиросы](#) «Анненков» с портретом генерала М. Н. Анненкова, руководившего строительством этой жизненно важной для России магистрали (как в ее честь не покурить? А сколько всего было выкурено, пока ее строили целых восемь лет?). После русско-турецкой войны 1877-1878 годов были в моде [папиросы](#) «Скобелевские» - с изображением генерала М. Д. Скобелева, пользовавшегося огромной популярностью в России (достал пачку скобелевских - лишний раз на портрет отважного генерала взглянул).

Папиросы носили в серебряных, алюминиевых, никелевых, черепаховых и кожаных [портсигарах](#), в которых помещалось от двадцати до тридцати штук. Как и табакерки, [портсигары](#) служили символами материального достатка их владельцев. Лучшие ювелирные фирмы Петербурга - К. Фаберже, И. Е. и В. И. Морозовых - создавали подлинные шедевры, подражать которым стремились десятки менее талантливых, а то и вовсе мало талантливых мастеров. По словам мастера-композитора фирмы «К. Фаберже» Франца [Петровича](#) Бирбаума, огромную роль играли в ней «портсигарщики, то есть специалисты по изготовлению коробок, табакерок, папиросниц, дамских несессеров - вообще вещей, где шарнирам и затворкам нужно уделять особое внимание. Заграничные мастера всегда удивлялись совершенству этих наших работ. Плотность затворов была такова, что на полированной поверхности папиросницы сразу трудно было найти линию, отделяющую крышку от корпуса, а все коробки и подобные им предметы закрывались без малейшего звука».

Обширной коллекцией портсигаров (несколько десятков штук) обладал император Николай II. Ныне эти великолепные произведения ювелирного искусства украшают многие музеи и частные собрания Европы и Америки. Подобно табакеркам екатерининской эпохи, именной портсигар с шифром «Н II» на крышке был очень дорогим подарком. Николай Александрович был заядлым курильщиком («когда был взволнован, непрерывно курил», - отмечает мемуарист). В Александровском дворце в Царском Селе особое место среди предметов убранства занимает его курительный столик, смонтированный в виде ружейной пирамиды из трех настоящих винтовок системы Мосина (* Сергей Иванович Мосин (1849-1902), русский конструктор стрелкового оружия). Между ними закреплена круглая стальная столешница-мишень, а пепельницей служит обычный солдатский походный котелок.

Табак и сигареты

Табак в России в конце XIX века.

Фирма Фаберже, к слову сказать, живо отреагировала на потребности этого рынка во время Первой мировой войны, наладив для фронтовиков массовый выпуск дешевых пепельниц и портсигаров из меди и латуни. Их было изготовлено несколько тысяч, но до нас дошло лишь считанное количество экземпляров.

Папиросная бумага была довольно дорогой. Привозить ее приходилось из Англии и Франции, потому что местные бумажные фабрики поставляли не очень хорошую продукцию. По мнению тогдашних специалистов, «главный недостаток российской бумаги состоит в том, что при своей толстоте она недостаточно плотна, имеет скважины, через которые проходит дым, отчего курение только затруднительно, но и иногда и вовсе невозможно». Для папирос с отечественным табаком принято было пользоваться белой бумагой английского производства, а американский табак (мэрилендский, виргинский) набивался в желтую бумагу французского изготовления.

В 1860-е годы в Петербурге была известна и так называемая «гигиеническая» папиросная бумага, дававшая при горении натуральный [табачный дым](#). При ее фабрикации использовались продукты переработки табачных листьев в смеси с обычной бумажной массой. Столичные медики дали новшеству высокую оценку, однако широкого практического применения оно так и не нашло.

На упаковку сигар и папирос шли бумага и картон лучших сортов, а этикетки, отличавшиеся оригинальностью и красочностью, выполнялись в технике многоцветной печати. Высоко ценилась продукция «Заведения графических искусств» Э. И. Маркуса, находившаяся на 10-й пинии Васильевского острова, 59.

Яркие картонные коробки Маркуса мы теперь можем видеть только на старых иллюстрациях или в музее. Курильщики прошлых лет безжалостно выбрасывали их в урны. Кстати, появлением мусорных урн мы обязаны прежде всего курильщикам (хоть что-то полезное должны они были сделать для города). Поначалу урны появились в самых людных местах - на площадях, бульварах, вокзалах, в торговых рядах, и произошло это, очевидно, где-то в середине XIX века. Массивные каменные сосуды устанавливали в вестибюлях государственных учреждений и банков, вычурные вазы из бронзы, фарфора, майолики украшали холлы и парадные лестницы столичных особняков. Следует упомянуть и скромные навесные ящички с надписью «Для окурков», которыми обзавелся столичный городской транспорт (конки и трамваи). Все это многообразие стилей, материалов, творческой фантазии было задействовано не только из стремления угодить курильщикам, но и являлось следствием распространенного среди некурильщиков страха перед оставленной без присмотра тлеющей папиросой (сигарой, сигаретой, самокруткой).

Нет худа без добра!

На середину XIX века пришелся пик увлечения трубками. К тому времени по всей Европе распространился так называемый «восточный стиль» (или «турецкий»). Вместе с персидскими коврами, мягкой мебелью и экзотическим оружием одной из примет того времени стала трубка с длинным, чуть не полтораметровым чубуком. Эти трубки были украшены затейливой резьбой, тонкой инкрустацией из серебра, самоцветов, перламутра, ценных пород дерева, а мундштук нередко изготавливался из янтаря, что отметил еще Пушкин в «Евгении Онегине»: «Янтарь на трубках Цареграда / Фарфор и бронза на столе...» (Царьградом в русских средневековых литературных текстах, а впоследствии в повседневной речи называли Константинополь, переименованный в XV веке в (Стамбул.) Бытовало мнение, что такой мундштук обладал особым тонким вкусом.

В каждом гостеприимном и благополучном доме имелась коллекция трубок, чубуков и мундштуков; для их хранения сооружались высокие стеллажи. Как и в прежние годы, лучшими считались черешневые мундштуки. В зажиточных домах при трубках состояли казачки, в обязанности которых входило чистить трубки, запаливать их и раскуривать. Дядя Н. А. Лейкина курил «табак Жукова из трубок на длинных чубуках, которых у него было много, и стояли они в углу в медном тазу».

Для парадных чубуков ставили также стойку или вешалку. Табак держали в особых шкафчиках с ящичками. На вешалке затейливой столярной работы висели вплотную к стене самые длинные чубуки с янтарными мундштуками, прикрепленные шелковыми петлями с медными крючками к планке вешалки.

Гостей приглашали в курительную комнату, убранную разнообразными произведениями восточных

Табак и сигареты

Табак в России в конце XIX века.

ремесел, и предлагали трубки на выбор. Нередко гости оказывались в весьма оригинальной обстановке, вроде той, что описана в великосветской повести барона Ф. А. Бюлера «Ничего», вышедшей в свет в 1843 году. В курительной князя Волгина, героя этого произведения, «красовалось целое чучело некогда застреленного им медведя, который, как раболепный евнух, сторожил его курительные препараты, упорно сжимал в лапах несколько цареградских чубуков и не отдавал их до тех пор, пока известная пружина в его лапе не уступала настойчивости гостя».

В кабинете более известного литературного героя Манилова, напротив, все было более чем скромно, зато «больше всего было табаку. Он был в разных видах: в картузах и в табачнице, и, наконец, насыпан был просто кучею на стол. На обоих окнах тоже помещены были горки выбитой из трубки золы, расставленные не без старания очень красивыми рядками». Согласитесь - скромно, неряшливо даже, но весьма живописно.

В XIX веке, как и нынче, было распространено прикуривание у прохожего, при этом соблюдались определенные правила вежливости: если на улице подходили к незнакомому человеку и просили у него прикурить, то приподнимали шляпу со словами: «Позвольте прикурить». Прикурив, снова приподнимали шляпу и отдавали легкий поклон, получая поклон в ответ. Считалось невежливым зажечь спичку и прикурить прежде, чем от нее прикурит сидящий рядом курильщик, приготовившийся закурить. В присутствии дам без их позволения не курили.

Иногда гостю подавали свечу (она так и называлась - «курительная свеча»), чтобы он смог прикурить (в наше время прикуривать от свечи считается дурным тоном, о чем, правда, догадываются не все прикуривающие).

Средний курильщик века полтора назад выкуривал тридцать-сорок папирос в день, и это удовольствие обходилось ему от пяти до десяти рублей в месяц.

Пепел сбрасывали в расставленные на столах металлические, стеклянные или фарфоровые пепельницы, которые были всевозможных форм: блюдечки, раковины, рыбы, звериные морды, башмачки, ведерки на санках, листочки, яичные скорлупки, лежащие чертенята и т. п. - фантазия художников, работавших на производителей пепельниц, охватывала весь животный и растительный мир и распространялась далеко за его пределы. Стива Облонский

ушил [папиросы](#) в перламутровой раковине-пепельнице вещь в те времена не редкая, но и не безделица.

К началу XX века изделия табачных фабрик Петербурга по своим высоким качествам были практически вне конкуренции в России. Они имели широкий и устойчивый спрос по всей стране и экспортировались за границу. Ежегодно в Петербурге распродавалось сигар и папирос 1 миллиард 853 миллиона 146 тысяч штук на сумму девятнадцать миллионов рублей, что составляло на каждого жителя столицы, с населением в один миллион человек, 19 рублей. «100 миллионов папирос в день - до таких размеров дошло потребление табака курящим Петербургом», - отмечала в 1910 году «Петербургская газета». Папиросы тогда продавались в пачках по 10 штук за 5-6 или 10 копеек. Но лучше всего расходились [папиросы](#) низших сортов, которые стоили меньше 5 копеек за десяток. «За последнее время замечается исключительное повышение спроса на дешевые [папиросы](#), которые начинают совершенно вытеснять курительный табак», - заметил тогдашний наблюдатель. Отсюда можно сделать вывод, что курение охватывало все большие слои населения.

Курящий человек во все времена вызывал разные чувства у некурящих. В эпоху «серебряного века» курящий мог вдохновить на поэтические строки. Так Георгий Иванов, увидевший однажды, как в редакцию журнала «Гиперборей» заходит его редактор М. Л. Лозинский записал: *«Так успокоительно в этом просторном, теплом, уютно освещенном кабинете. Горничная в наkolке разносит чай, бисквиты, коньяк. Уже собрался кое-кто. Хозяина - редактора - еще нет, задержался в типографии. Но вот - скрип двери, шорох портьеры:*

*Выходит Михаил Лозинский,
Покуривая и шутя,
С душой отцовско-материнской
Выходит Михаил Лозинский,
Рукой лелея исполинской*

Табак и сигареты

Табак в России в конце XIX века.

Свое журнальное дитя...»

[Табачные фабрики](#) продолжали трудиться на пользу всем курящим, поэтам в том числе. В 1913 году в Петербурге вырабатывали 81,5% всего российского табака (в Москве - только 17,3%). До 1914 года экспорт табачных изделий русского производства (папирос и крошенных Табаков) неуклонно рос. Основными потребителями русского табака были Финляндия и Германия. И кто бы тогда мог подумать, что к 1917 году вывоз табачной продукции сойдет в России на нет?..

Теперь перейдем к рассказу о тех, кто в Петербурге нюхал табак, кто его производил, кто, где и почему продавал. Нас ждет еще немало интересного, особенно если читать без перекуров.